

ЛЮБИ СИЛЬНЕЕ

ЕЛЕНА ТОДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т50

Тодорова, Елена.

Т50 Люби сильнее / Тодорова Елена. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 320 с. (илл.) — («Твоя любовь») ISBN 978-5-17-173906-5

Она ждала его три года. Он вернулся, но совсем другим. Ему больше не нужна ее дружба. Детство закончилось, теперь он не умеет любить наполовину. И пусть эта любовь больная... Если она хочет быть с ним, то будет принадлежать полностью. Душой и телом. До гробовой доски. На меньшее он не согласен.

Сжигая мосты. Причиняя друг другу боль. Требуя и отдавая максимум.

Сильные. Жадные. Влюбленные.

Он. Она. И одно бессонное лето.

Хватит ли этого, чтобы получить целую жизнь «вместе»?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-173906-5

© Тодорова Е., текст, 2026.
© ООО «Издательство АСТ», 2026.

Глава 1

Мария

| 3 |

Все начинается ночью.

Все самое важное в моей жизни случается ночью. В ненавистное мне время суток. Просто катастрофическая карма!

Папа стучит в дверь после первого же раската грома. Знаю, что это он, ведь с мамой мы минуту назад разминулись. Она спускалась вниз, чтобы развесть белье.

Негодующе стону, даю добро войти и, подтягивая одеяло повыше, вдавливаюсь глубже в матрас. Очень устала сегодня. Умышленно загоняла себя, организм молит об отдыхе.

— Ты как, кукуруза? Не страшно?

Давно не сержусь, когда папа так называет. Если, конечно, он не делает этого на людях. Хотя и тогда... Мой папа — самый лучший. Он сделал для меня чрезвычайно много, чтобы заикливаться на такой ерунде. Он и еще один человек... Тот самый-самый.

— Если бы мне было страшно, я бы сгрела одеяло, пришла к вам с мамой и вынудила смотреть со мной мультики. Точно как в пять!

ЛЮБИ СИЛЬНЕЕ

ЕЛЕНА ГОДОРОВА

Приоткрываю один глаз, чтобы поймать папину улыбку. И, конечно же, отвечаю взаимностью.

Обожаю своих родителей, хоть их забота порой и бывает утомительной. Знаю, что причины есть. И все же...

— Каждый раз так отвечаешь, а еще ни разу не пришла.

Понимаю, о чем папа беспокоится. Ни разу не пришла, но не единожды будила своими криками.

Я пытаюсь справляться. И мне это удается. Кошмары случаются все реже и реже. Последний раз — больше месяца назад.

— Ты же знаешь, я не боюсь грозы, пап.

Гроза — это свет и шум. А мой страх носит обратный характер. Я боюсь темноты и тишины.

— В таком случае, сладких снов, принцесса.

— Доброй ночи, пап. Поцелуй за меня маму.

— Обязательно.

Как только дверь закрывается, протяжно вздыхаю. Еще какое-то время, под влиянием укоренившейся привычки, вожу взглядом по потолку. Рассматриваю золотистые звездочки, которые разбрасывает медленно вращающийся ночник-проектор.

Ни один угол не даруется темноте. Бояться мне нечего.

«— Спи, Маруся!

— Сам спи!»

Отгоняя непрошенные воспоминания, подтягиваю одеяло. Вдыхаю запах маминого любимого кондиционера и, наконец, закрываю глаза.

Когда, после очередного раската грома, с улицы доносится собачий лай, нахожусь на границе сна и бодрствования.

О, нет... Десси...

Моя полуторагодовалая черно-подпалая овчарка любит вечерами носиться по участку. Но я всегда слежу, чтобы на ночь она попала в дом. Сегодня заводила ее сразу после пробежки. Неужели мама выпустила?

Затянутый грубоватый лай не очень похож на задорное тьяканье Десси, но у ближайших соседей собак нет. Это и заставляет меня беспокоиться.

— О, нет, Десси... Нет-нет... — сонно ворчу я. — Почти одиннадцать...

Даже при учете усиленной наружной иллюминации дома, ненавижу бродить ночами. Только тут уж ничего не попишешь... Соскальзываю с кровати и медленно подбираюсь к окну. Ноги после вечерней пробежки будто деревянные. Не иду, а ковьялю. Мне еще и поэтому выходить не хочется. Но не просить же папу.

Привставая на носочки, выглядываю во двор... Да так и замираю.

Внутри что-то с треском обрывается.

Не может быть... Невозможно...

В окнах соседнего дома горит свет, а такого быть не должно. Тетя Ника с дядей Сережей на все лето улетели. Совсем недавно от них приходили открытка и пара фотографий с острова.

Может, Никита приехал что-то проверить? Хотя ночью это прям очень маловероятно. Да и обычно, если что-то нужно, они в первую очередь нам звонят. У меня и ключи остались. Хожу поливать цветы и впускаю приезжающую для уборки женщину.

У Градских есть пес. Той же породы, что и моя Десси. Но сейчас его тут быть не может. На время отдыха дядя Сережа отвез Луку к родителям. Мы взять

не могли, потому как держать их вместе с Десси нецелесообразно.

Если все же лает Лука, то...

Господи...

Нет, это невозможно... Нереально же! Тетя Ника предупредила бы... Ну, а вдруг...

Божечки... Если это... Если Яр вернулся?

Сердце ухает вниз и тотчас подскакивает к горлу. Резво берет максимальную, попросту безумную скорость.

Останусь стоять на месте — умру. Все, что сейчас понимаю.

Забывая о мышечной боли и усталости, выскакиваю из комнаты и несусь вниз по лестнице. Распахиваю входную дверь и выбегаю босиком на улицу. Утопая в теплой и влажной траве, пересекаю двор. Дергаю калитку и, не сбавляя скорости, врываюсь на чужую территорию.

Нет, по факту она все же не чужая. Слишком много счастливых моментов с ней связано. Я росла на две семьи. Нет, мы росли. Я и Ярлик.

Замедляюсь, лишь ощутив под ногами деревянный помост террасы. Ступни гулко отсчитывают два шага и резко вдавливаются в шероховатую поверхность.

Просто не забывай дышать... Медленно, глубоко, размеренно...

Дыши... Дыши... Дыши...

Как ни настраиваюсь, задыхаюсь, когда по ту сторону стеклянной двери возникает мужской силуэт. Свет бьет парню в спину и сохраняет лицо в тени, даже когда он открывает дверь и переступает порог.

Сердце выбивает ребра.

Глубокий вдох, который мне после нескольких неудавшихся попыток все же удастся совершить, на-

полняет легкие таким количеством кислорода, что грудь распирает.

Мне не нужен свет, чтобы понять, что это он.
Мой друг. Моя любовь. Моя вторая половина.
Ярослав Градский.

Он вернулся.

Боже мой... Он вернулся!

Моргнуть боюсь, чтобы не спугнуть видение. Смотрю на высокую и крепкую мужскую фигуру, пока в глазах не собираются слезы. Они жгут веки и раздражают слизистую. Но это такая ерунда против того, что внутри происходит.

«Люби меня, Ярик... Люби... Еще... Ярик, Ярик... Испачкай меня... Испачкай меня всю...»

Перекачанное эмоциями сердце по швам трещит.

Нельзя вспоминать. Нельзя... Вот только остановить калейдоскоп картинок из нашего общего прошлого никакой силы воли не хватает.

«Маруся ты Титова... Моя... Не бойся, я люблю тебя...»

На самом деле в тот момент я и угождаю в ловушку. Стою и упорно пытаюсь дышать. Но вместо тяжелого сырого запаха надвигающейся грозы вдыхаю запах Яра. Насыщенный, терпкий, острый, любимый... Только тогда соображаю, что Градский сократил расстояние и подошел слишком близко.

Почти три года прошло...

Он стал еще выше и шире в плечах. И раньше случалось, что рядом с ним я терялась. Сейчас же и во все заметной дрожью отзываюсь. Трясет меня, остановиться не в силах.

Стоило бы оторвать взгляд от его груди и посмотреть в лицо. Но я не решаюсь. Слишком страшно. Прожигаю дыру в пятнистой армейской футболке.

Глупая... Капкан уже захлопнулся. Внутри запускается тот самый, поставленный на паузу, режим одержимости.

Да, все начинается ночью... Считая от нашей общей ночи рождения и всех тех, что были у нас общими после. А потом... еще и еще. Ох уж эти губительные ночи! Включая ту страшную, о которой Градский не знает. И не узнает никогда. Это только мое... Личное. Сокровенное. Моя обособленная боль.

Сжимаю вспотевшие ладони в кулаки и решительно вскидываю взгляд. К такому все равно нельзя подготовиться... Эмоции обрушиваются: огнем грудь окатывают, взрывной волной оглушают. Если и дышу, не осознаю этого. Впрочем, если не дышу — тоже. Другие потребности главенствуют.

Глаза в глаза впиваются. Темные. Горящие. Родные.

Раньше... До того самого месяца... Ярик бы рассмеялся. Окатила бы меня с ног до головы жадным и дерзким взглядом. Выдал бы какую-то пошлую шуточку. И обнял бы обязательно, как будто по-дружески. Сейчас же... Он просто смотрит, перекачивая в меня собственный огонь. Он ведь тоже горит. Хоть ни один мускул на его лице не дрогнул, знаю это. Каким-то немислимим образом чувствую.

Почему ты ушел?

Почему так долго не возвращался?

Почему ни на одно письмо не ответил?

Почему? Зачем так жестоко?

В какой-то миг меня переполняет дичайшее желание броситься на него с кулаками. Молотить, не щадя сил. Переложить на него всю свою боль. Оставить такие же шрамы и ссадины. А потом... крепко

обнять и завывать. Потому что из груди рвется именно вой, не крик.

Но я держусь. Слишком много работы проделано. Я не могу себя подвести.

— Здравствуй, Ярослав, — долетает из-за спины папин беспристрастный голос.

Яр кивает, однако вербально не отзывается. А мне так хочется его услышать! Почему же он не говорит?

Папа подходит ближе и, набросив мне на плечи кофту, больше ладоней не отнимает. Слегка сжимает, призывая собраться.

Он ведь все знает. Все понимает. Ярче солнца пылаю... А надо быть осторожной. Иначе второй раз не выплыву.

— Рада, что ты вернулся, — вот что я произношу, как только удастся овладеть голосом.

Волнение утаить не получается, хоть и стараюсь говорить медленно. Но в целом остаюсь собой довольной.

Улыбаюсь. Только кто бы знал, чего эта гримаса стоит... Кто бы понимал...

Быстро опускаю глаза к подбежавшему и ткнувшемуся мне в колени псу.

— Привет, Лука, — касаюсь ладонью носа. Позволяю облизать пальцы. — Разбудил меня своим лаем... — смеюсь не от того, что мне весело. Это ровный и нервный звук, пусть со стороны и кажется, что вполне искренний. — Отвыкла от тебя...

Решаюсь еще раз на прощание взглянуть Ярику в глаза, хоть уже понимаю, что говорить он с нами не намерен. Это странно, но... Это его право.

Видимо, военная служба изменила его не только внешне. Теперь он не соседский мальчик. Не мой лучший друг. Не мой Ярик. Не мой... Он мужчина.

Суровый и волевой. От одного лишь взгляда, от которого душу скручивает.

— Еще раз с возвращением, — выдавливаю, ощущая, как под кофтой табунами гоняют взбунтовавшиеся мурашки.

Разворачиваясь, позволяю папе увлечь себя домой. Хорошо, что небо открывается и обрушивает на землю скопившуюся влагу. Дождь позволяет скрыть бегущие по щекам слезы.

Теперь он здесь... Рядом... Как же я буду жить, зная, что он так близко?

Глава 2

Ярослав

11

Она совсем не изменилась.

Маруся Титова — высота, которую я так и не сумел взять. Как итог, за прошедшие годы переломал кости, нарастил мясо, взамен стертой в кровь кожи толстой шкурой оброс — необратимо трансформировал.

Она же осталась той самой девчонкой, которую я упорно пытался вытравить из своей жизни. Чистое безумие, учитывая, что она сидела под ребрами практически все мои зеленые восемнадцать лет. Будто и не было следующих трех. Если бы не травмы и шрамы, да изношенный кровавыми кадрами мозг, так и решил бы.

Свистнув, подзываю Луку и, не оглядываясь, вхожу обратно в дом. Сходу на второй этаж поднимаюсь, в свою старую спальню. Нет желания шарить глазами по углам, поэтому свет не включаю. Бреду в ванную, стараясь не думать о том, что из моего окна можно увидеть окно моей... Да не моей. Никакая она не моя. Я же не дебил, настолько откатывать.

ЛЮБИ СИЛЬНЕЕ

ЕЛЕНА ГОДОРОВА

Пока раздеваюсь, сердце постепенно успокаивается. Дыхание выравнивается.

Но... Учитывая недавний безумный скачок, уверен, что это ненадолго. Временная суггестия. Научился этому в опасные моменты службы, когда чувствовать что-то было непозволительно.

Встаю под тугие струи воды и умышленно прохожусь по закромам памяти. Прокручиваю неторопливо и без особых эмоций то, как в армию бежал. Бросив универ и спорт, добровольно сдался. Этим решением остался доволен. Подлгало, увлекло, вытравило из головы всякую агрессивную блажь и привычку действовать сгоряча.

Однако возвращаться рано было. Понимал, не готов еще, нужно дальше и дольше...

Отец, отставной подполковник полиции, когда под конец «срочной» прознал про призыв в места боевых действий, минут пятнадцать в трубку орал, чтобы не вздумал рапорт писать. Через сутки лично в часть примчался. Впервые за долгое время прессовал меня больно окрепшего и охреневшего от собственной крутости, прямо там, в мелкой комнатухе для свиданок.

— Ты, блядь, понимаешь, что творишь? Армия — это армия. Но куда тебя дальше несет, Яр? Я понимаю, тебе трудно. Но война¹ — не санаторий, твою мать! Там мозги в кучу не соберешь.

¹ *Прим. автора:* как правило, в своих романах я выдерживаю детальную прорисовку событий, но действия книг «Кричи громче» и «Люби сильнее» по факту, если считать от первой книги цикла, происходят в 2042 и 2045 годах, поэтому при упоминании военных действий я сознательно опускаю детали и названия. Не хочу кликать беду на какие-либо страны и народности. То, что герой ушел в армию в восемнадцать, списываю на тот же фактор неизвестности.

Легче тебе там точно не станет. А будешь дурковать — без ног, без рук останешься! Если вообще живым вернешься! Ты это, мать твою, понимаешь? Куда ты, блядь, лезешь? — конечно же, он осведомлен, из-за чего все. Понимает, насколько отчаянно я пытаюсь промотать бесследно все, что произошло в том чертовом бункере со мной и с Марусей. Хотя всего ведь никто не знает... — Сына, я тебя в органы, спецподразделение... Куда хочешь! Хоть завтра.

— Поздно, пап. Я подписал.

Отец тогда резко умолк. Ни слова больше не вымолвил. Уезжая, только крепко стиснул мое плечо и взглядом, казалось, поддуши оставил. Никаких слов не надо было... Не знаю, что матери говорил. Она почти не рыдала в трубку. Решила, что я в той же части сверх срока закрепился. И хорошо... Мне самому спокойнее, да и ей.

Под конец «срочника» сразу забросили в самое пекло. Думал, там уж точно все забуду. Безусловно, многое стерлось.

Во время атак и обороны не до сопливых воспоминаний и ебучей философии.

Только ночами, когда наступала тишина, все запретное наружу лезло. Оккупировало сердце и мозг. Еще эти письма, мать ее... Святоша писала от руки, по три-четыре листа. В эру интернета, мне со всего подразделения одному такие носили. Всем посылки да передачи, а Граду — «сахарная малява», «порно-депеша», «дрочь-письмо». Как только ни глумились такие же перезревшие, как и я, оболтусы. Еще и характерными пошляцкими жестами свои вопли сопровождали. Да только мне насрать было. Если с кем и сцеплялся, до

морды в кашу не дрался. По сути, понимал, что тупо завидно им.

Сука, я сам себе завидовал...

Каждый раз перед богом клялся, что следующее письмо не стану открывать, так и выброшу запечатанным. С электронкой же получалось. Ничего из того, что Маруся в сети настрочила, не прочел. И телефонный номер в бан после первых же попыток дозвониться внес. А тут... Увижу ее почерк, и внутри что-то сладко занает. Дождусь отбоя и тянусь трясушимися руками.

Она писала о всякой ерунде. По факту ничего важного не сообщала. Последнюю ссору и то, что происходило между нами в бункере, не затрагивала.

Как я и думал, играла в свою излюбленную игру, будто мы все еще вечные друзьяшки. Злился на нее за эту подачу и воображаемый тон, за малолетнюю дурь, которая все еще сквозила во всех этих строчках... И за то, что отзывался... Никак прекратить не мог. Куда-бы ни перебрасывали, таскал за собой этот ворох макулатуры. Иногда перечитывал.

Пока Титова знала, где я нахожусь, писала очень часто. Казалось, что по несколько раз на неделе новую телегу строчила. Хотя доходило, безусловно, все с опозданием. Случалось, что по две депеши за раз получал. Пока не набрался сил и не запретил отцу сообщать новый адрес. И... вначале еще хуже стало. Думал и думал о ней. Что делает? Как справляется? Ходит ли с кем-то? Конченный идиот... Случалось, взрывы над головой гремят, концентрация крайне важна, а мне едва удается выплывать.

Потом как-то резко попустило, и я вздохнул с облегчением. Думал, что все, отмучился. Более-менее спокойно добил контракт. Домой засобирался. Еще месяц, пока бумаги все оформляли, перекантовывался в расположении части. После официального увольнения в запас пересекся с предками в Доминикане. Отец, увидев меня, заметно размяк. Мама, пребывавшая до последнего в неведении, просто радовалась, что домой еду. Пробыл с ними буквально пару суток и двинул на отчизну.

Зато дед начал наседать, едва с трапа на родную землю ступил.

— Чем собираешься заниматься?

— Не знаю. Пока не решил.

Имелось несколько вариантов. По связям отца и благодаря собственным заслугам, звали в местные органы. А старые спортивные победы на чемпионатах и наличие корочки МС по боевому самбо сулили неплохую возможность войти в тренерский состав юношеской сборной.

Не хотел гнать лошадей. Имею право выдохнуть и спокойно подумать, чему посвятить дальнейшую жизнь.

Но дед, черт его дери... Встретил, блядь, называется.

— Пока решать будешь, я тебе у себя на стройке место даю. Не лежать же лежнем! Знаем мы, что от безделья случается...

Старик, конечно, всегда крутым нравом отличался. А сейчас, вероятно, маразм крепчает. Оперативный пресс продолжился за ужином.

Вот лучше бы сразу домой поехал... Соблазнился домашней жратвой, олух.

— Пока простым рабочим пойдешь. В этом у тебя опыт есть.

